

Фэнтези - Романтика - Приключения

Александр ЗИБОРОВ

Вселенная твоей любви

Александр Зиборов

Вселенные моей любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67707056

SelfPub; 2023

Аннотация

Порой очень сильной любви мало одной вселенной – столь далеко она выходит за привычные рамки...

Александр Зиборов

Вселенные моей любви

Это было осенью.

Открылась дверь и в комнату вошла она – восемнадцатилетнее чудо с чудными изумрудными глазами на милом конопатом личике в обрамлении шара солнечного цвета волос. Девушка была похожа на небывало симпатичное солнышко, но у меня родилась ассоциация с ночным светилом – «лунолика».

Гостья обвела нас своими лучистыми глазами и мягким волнующимся голосом произнесла:

– Я к вам.

«К нам» – это значит, в литературный клуб при городской молодёжной газете «Юность». Еженедельно по вечерам тут проводились «посиделки» местных талантов.

Выяснилось, что её зовут Ольгой, фамилия простая – Бабушкина. Живёт в другом городе, маленьком районном центре, у нас проездом и кто-то ей сказал про то, что при газете в определённое время собираются различные литературные дарования. Призналась, что пишет стихи.

Ей предложили что-нибудь почитать для знакомства. Ольга ответила, что стихи не взяла, просто не знала, что понадобятся, но многие помнит наизусть. И принялась их читать с лёгкой милой картавостью.

Мне её стихи очень даже понравились, особенно тем, что в них фигурировали многие персонажи греческих мифов, которые я с детства любил.

После окончания собрания клуба с друзьями пошёл провожать Ольгу. Иы довели её до остановки и она уехала к себе домой.

Позже Ольга иногда появлялась на наших литературных сборищах, читала свои стихи. Запомнились строчки из только что написанного: «Осень – клоун с душой нараспашку в рыжем наряде приходит опять...»

Всем понравился образ осени – рыжего клоуна. Прозвучало, что до подобного сравнения до неё не додумался никто из поэтов.

Мне подумалось, что Ольга вообще вся осенняя – цветом волос, конопушками на округлом лице, мягкостью в голосе.

Обсуждали мы и творчество других. Читал своё и я, коротенькие иронические рассказы. Их хвалили.

Ольга восхищалась ими и нередко повторяла: «Ты фантастически талантлив!» Меня радовала не столько сама по себе похвала, сколько искренние интонации её голоса. Изумрудные глаза при этом светились.

Как-то так получалось, что мы в клубе обычно оказывались рядом, часто общались и после собраний. Постоянно провожал её потом до остановки. Остальные тактично отходили, тем самым признавая нашу взаимную симпатию.

Я видел в зелёных глазах Ольги трепетное чувство к себе,

но...

С душевной мукой вспоминал, что её старше на одиннадцать лет, у меня жена и двое детей. Да, с супругой дела не ладятся, но семья есть семья. У нас же дети!..

Это даже не охлаждало – остужало...

Что-то заставило прочитать ей стихотворение «Русь» Александра Блока, которое я помнил наизусть:

«Ты и во сне необычайна.

Твоей одежды не коснусь.

Дремлю – и за дремотой тайна,

И в тайне – ты почишь, Русь...»

Мечтал увидеть не Русь, а Ольгу спящей... рядом с собой, но вместе с тем был проникнут твёрдым намерением: «твоей одежды не коснусь». Нельзя портить жизнь наивной девушке, только-только вступающей в жизнь. Она – молодая, красивая и талантливая. Всё у неё получится, её ждёт большое будущее. Я же буду только помехой.

Потому я её и не коснулся: ни разу даже не обнял, не поцеловал, не говоря о большем. Не говорил о своих чувствах. О них она могла лишь догадываться, угадывать по моему лицу да что-то читать в моих глазах,

Затем в нашем знакомстве наступил примерно полугодовой перерыв. Я Ольгу не видел.

Но вот однажды она позвонила мне на работу, как-то чу-

дом выведав мой телефон.

Мы встретились, прогулялись по улице, посидели на лавочке в сквере.

Ольга призналась, что она встречалась с парнем, до свадьбы дело не дошло, но у неё есть сын. Отец признавать его отказывается, твердит, что не от него.

«Хотя все говорят, что они с сыном – одно лицо...»

Не помогает, алиментов платить не хочет.

Я жалел Ольгу, зная, что она живёт с матерью и младшей сестрой, отца у неё нет. Не знал, чем её утешить, не мог подобрать слов...

Пришёл домой в отвратном настроении, а тут ещё и с женой поцапались из-за пустяка. Я ушел в другую комнату и лёг на диване.

На душе было муторно, как говорится, кошки скребли.

Вспоминал Ольгу с её огромной личной трагедией.

С горечью думал, а я-то боялся испортить её жизнь? Она у неё уже испорчена! И не мной, совсем не мной. Я же боялся даже тронуть её. А ведь я был бы в любом случае не хуже, чем этот неизвестный мне мужик: обязательно признал бы ребёнка, не отказывался бы от него, помогал бы, сколько только мог. Ругал себя: зачем я был столь робок, нужно было пойти на отношения с Ольгой, а там пусть будет то, что будет...

В стороне воздух словно бы осветился, сгустился и вдруг в комнате оказался неизвестный мне мужчина.

Меня затрясло от увиденного. Я растерянно моргал глазами: это действительно явь или он мне только снится?..

Неизвестный был облачён в тёмный комбинезон и полушлем на голове, не позволявший разглядеть его лицо. Талию опоясывал такого же цвета ремень с большой пряжкой. Несмотря на абсолютно чёрный цвет одежды, она словно бы светилась каким-то тёмным светом...

«Тёмным светом? – мелькнула мысль. – Чёрного света не бывает!..»

Мужчина шагнул ко мне:

– Ну, привет, Александр! – и протянул свою руку в перчатке.

Я поднялся и машинально пожал её, спросив:

– А как вас звать?

– Во-первых, не «вас», а «тебя». Во-вторых: я – это ты. И звать меня точно также – Александр. И фамилия та же, как и всё прочее, можешь не сомневаться.

– Не может быть! – ахнул я.

Он усмехнулся:

– Может, всё может!

Далее улыбка сошла у него с лица, и он затараторил:

– Извини, времени в обрез! Слушай предельно внимательно. Я из параллельной вселенной. Там всё так, как и тут. Но с небольшими различиями. Имеется возможность нам поменяться местами... Мне подсказали, что это можно сделать именно с тобой. Параллельных вселенных и не сосчитать,

столь их много, в большинстве есть я, то есть – ты. Словом, наш с тобой аналог... Долго рассказывать, как сие произошло, но мне нужно занять твоё место, а ты соответственно окажешься на моём...

– И какая от этого разница, ежели миры наши параллельные, практически одинаковые?

– Дело в том, что ты окажешься в том дне, когда впервые увидел в литературном клубе Ольгу. Ты же хочешь переиграть отношения с ней, так? Вот и делай это. Всё у тебя получится...

Я вскочил:

– Это возможно?

– Конечно же! Я о том и твержу!

– А как же ты?..

– Объяснять некогда. Обо мне не волнуйся. Если решился, то нужно это сделать поскорее. Времени у нас в обрез. Меньше, чем ты думаешь.

– А как это сделать?

– Иди сюда.

Только тут я заметил на полу под своим двойником более светлое пятно, да и воздух вокруг него был не так темен, как в остальной в комнате.

Только я встал с ним рядом, как в голове что-то помутилось, глаза резанул солнечный свет и оказалось, что я стою один на том же самом месте в той же самой комнате, но только не ночью, а в солнечный день.

В комнату заглянула жена и недовольно буркнула:

– Что стоишь? На свидание готовишься?

– На какое свидание?

– А я откуда знаю. Говоришь, что ходишь в свой клуб, а сам можешь намылиться налево.

И тут я вспомнил, что всё это я уже слышал... Когда же я это слышал?... Ах да, года два назад. Именно это и говорила мне тогда жена.

Ответил ей как и в тот раз:

– Никуда налево не хожу. Мы там читаем друг другу то, что написали. Потом обсуждаем.

– А после этого?

– А после расходимся по домам...

Не буду описывать пустопорожний разговор с ревнивой женой.

Через час я уже спешил в редакцию газеты «Юность» в наш литературный клуб.

Плохо слушал, кто и что говорит, предвкушал то, что я уже видел в недавнем прошлом и всеми фибрами своей души жаждал повторения.

И вот открылась дверь, и вошла она – Ольга Бабушкина в ореоле солнечных волос. Увидел такие знакомые мне конопущки и чудесные изумрудные глаза. Прозвучал её милый голос:

– Я к вам.

И всё повторилось: её рассказ о себе, чтение стихов на-

изусть с массой древнегреческих мифических героев, столь симпатичным мне.

Как и в тот раз, я пошёл провожать Ольгу вместе с Николаем и Леонидом. Увы, оплошал, да и момента не улучил, не дал своего телефона. Это я сделал в следующий раз, когда она явилась на собрание литературного клуба.

Ольга позвонила, мы встретились. Гуляли. Я читал ей наизусть Александра Блока, но уже другое стихотворение, куда более известное:

«Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрёшь – начнёшь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.»

Не знаю, зачем я заменил стихи, не прочёл «Русь»? Сам этого не понимаю, что-то внутри заставило вспомнить именно их.

Позже наши отношения продолжились, и произошло всё то, что обычно бывают между влюблёнными друг в друга мужчиной и женщиной...

Через несколько месяцев я услышал от Ольги слова:

– Я беременна.

По её тону я понял, что ребёнка она оставит. Это даже не предмет обсуждения.

Появились крайне противоречивые чувства.

С одной стороны снова стать отцом очень хорошо, а с другой – у меня уже двое детей имеются, выплачиваю немалую ипотеку. Я осознал, что в достаточной степени помогать Ольге не смогу, средств у меня в обрез...

Сказал жене, что меня посылают в командировку, и поехал в родной городок Ольги. Она познакомила меня со своей матерью и младшей сестрой. Я увидел скромную двухкомнатную квартиру. Мать работала на стройке крановщицей. Одна она тянула троих. А скоро появится и четвёртый...

Узнав, что жениться на её дочери я не могу при всём своём желании, женщина посуровела, одновременно словно постарела. Наверное, осознала тяжёлую истину: «Маленькие дети – маленькие проблемы, большие дети – большие проблемы». И вот очередная проблема – беременная дочь. А это даже не проблема, а нечто сродни беде. На её щеках заиграли желваки, я почувствовал себя последним подлецом.

Подумал, что я не таков, не последний подлец. Другой мужчина был бы куда хуже, он даже отказался бы от сына. Но тут же сам себя остановил: они этого не знают, про то ведаю лишь я один. Потому промолчал, сгибаясь под суровым взглядом матери моей женщины...

Вернулся домой в предельно мрачном настроении.

Погружённый в свои мысли, я ответил невпопад жене о командировке, в которой я якобы побывал. Она взвилась на дыбы, в результате мы поцапались, что случилось у нас регулярно. В результате я отправился спать в другую комнату.

Долго лежал без сна, мучаясь тем положением, в котором оказался. Оно мне казалось невероятно тягостным. Сколько раз не повторял себе, что если бы я не стал завязывать отношения с Ольгой, то она оказалась бы в ещё худшем положении: тот мужик бы её сына не признал и ничем бы не помогал. Именно так произошло в иной, в параллельной вселенной.

Но это ведал лишь я один, больше никто. Самое главное, этого не знали Ольга с матерью. И я не мог им этого сказать. Да и разве бы они такому поверили?!.

В результате никакие слова не помогали, не успокаивали мою совесть. Я знал, что поступаю как подлец. Или почти как подлец.

Клял себя на все лады за то, что не смог предотвратить беременность девушки, а для этого не следовало даже касаться её. Сейчас я бы отдал всё, чтобы исправить ситуацию. Готов был отдать всё ради этого...

Тут воздух в комнате словно зашуршал, чуточку осветился, и я снова увидел своего двойника в прежнем одеянии чёрного цвета, но словно бы излучавшим тёмный свет.

На сей раз я не испугался, а даже обрадовался.

Он мгновение постоял, нашёл меня взглядом, потом подошёл, протягивая руку:

– Здравствуй, Александр.

– Привет, тёзка! Как ты там?

– Не лучше, чем ты здесь, – последовал ответ. – Но у нас совсем нет времени. Хочу выручить тебя, мы должны поменяться местами.

– Тебе что, там уже надоело?

– Коротко докладываю, в твоей вселенной я пробыл даже не секунду, а меньше. Потому она мне надоест не успела, я её практически даже и не видел.

– Но зачем мне возвращаться обратно, здесь Ольга, она ждёт ребёнка.

– Знаю, мне сказал...

– Кто сказал? – ухватился я за брошенную фразу, угадывая отгадку.

– Некогда пояснять. В двух словах: ко мне из будущего прибыл сын Ольги и организовал всё это.

– Но зачем, зачем?

– Спроси что-нибудь полегче, если бы я это знал! Вставай рядом со мной!

Я шёл к нему словно с пудовыми ногами, сказав упавшим голосом:

– А как же Ольга?

– О ней позаботятся. Он и я...

– Но...

– Нет времени, ещё секунда и будет поздно! – двойник схватил меня мёртвой хваткой и подтащил к себе, воскликнув: – Прибудешь на прежнее место буквально секунду спустя после своего убийства. Ежели кто бы стоял рядом и моргнул глазом, то ничего бы не заметил...

Это было последним, что я расслышал. Знакомое потемнение в голове и я оказался в своей комнате, только уже один. Вокруг царила темень, которую не рассеивал свет далёкого уличного фонаря.

Щёлкнул выключателем и при свете лампочки осмотрел стопку последних газет. Даты их выхода подсказали, что я уже в иной параллельной вселенной, в своей родной.

Выключил свет. Улёгся в постель и попытался расслабиться. Но это мне не удалось. Мрачные мысли гнали сон.

В этом мире я даже не коснулся одежды Ольги, её сделал несчастной другой мужчина...

Сознание рванула мысль: «Другой, но сделал такой же несчастной».

Она мне крайне не понравилась.

Я подыскивал себе всяческие оправдания. Потом вспомнил о беременной Ольге, фактически брошенной мной, и меня передёрнуло всем телом так, что я аж закрипел зубами: «Та Ольга должна родить, и её ребёнок, мой ребёнок, останется сиротой! Или – на попечении моего двойника? Но не меня...»

Я – предатель, я – подлец!..

Вспомнил слова двойника: «О ней позаботятся. Он и я...»

Но кто этот «он»? Понятно, что сын Ольги, но какой – из моей нынешней вселенной или из той, которую покинул я? Вполне может быть, что там родится вовсе и не мальчик. О худших вариантах думать не хотелось.

Мне вспомнилась та Ольга, которую я навсегда покинул. Передо мной предстало её луноликое лицо, и вспомнил стихи Александра Блока, которые тогда ей читал:

«Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрёшь – начнёшь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.»

Посмотрел на окно. За ним была ночь, едва освещаемая невидимым мне отсюда уличным фонарём.

«Всё будет так. Исхода нет.»

Сам себя сурово спросил, словно приговорил: «Ты ж не хотел биться в силках, разрываясь между двумя женщинами, двумя семьями и разными детьми, так теперь ты от этого избавлен? Радуйся, ликуй!..»

Но на душе было страшно тяжело. Говорят, что души нет.
Но что тогда так сильно болит внутри?
Мне хотелось плакать.